

Олег МИТРОШЕНКОВ
– доктор философских наук,
профессор

«По ряду критериев, индикаторов, показателей, замеряющих развитие человеческого потенциала и степень комфортности проживания людей, Россия находится далеко от начала списка из более чем 200 стран мира. Хотя она имеет все объективные возможности и ресурсы для того, чтобы возглавить этот список.

Человек управляющий: антропологические метаморфозы идентичности

В XX веке Россия (СССР) стала супердержавой, вызвавшей широкий спектр чувств – от восхищения и поклонения до ненависти и борьбы с ней. Она создала великую культуру и могучую индустрию, выиграла жестокую войну, первой вышла в космос, заставила считаться с собой весь мир.

В современной России также есть все, чтобы быть сверхдержавой, но нет адекватного управления, чтобы всем умело распорядиться. Главная проблема сегодня, как и всегда, – управление. Оно не соответствует вызовам и рискам времени. Поэтому Россия покинула клуб сверхдержав.

На управленческую идентичность в современной России повлияли многие факторы. Важнейшим из них стала антропологическая катастрофа, которую страна пережила в XX веке. Антропологическая катастрофа означает, разумеется, не то, что люди как таковые стали хуже, а то, что у них было меньше возможностей стать лучше – благороднее, добрее, порядочнее, честнее, здоровее, да и числом больше... И дело не в том, что человекоразмерность социальной и индивидуальной жизни в России стала меньше, а в том, что она могла быть гораздо более адекватной времени – более приспособленной для стариков, детей, людей с ограниченными возможностями, молодежи, женщин, впрочем, и мужчин тоже. Отсутствие нужного числа детских садов или нормальных туалетов и в Москве, и по стране в целом, тот факт, что 40 млн россиян живут без канализации и горячего водоснабжения,* – это и есть неадекватная человекоразмерность российской повседневности. Сегодня по ряду критериев, индикаторов, показателей, замеряющих развитие человеческого потенциала и степень комфортности про-

* Данные озвучены в Совете Федерации РФ и опубликованы в газете «Аргументы и факты» № 18 за текущий год.

живания людей, Россия находится далеко от начала списка из более чем 200 стран мира. Хотя она имеет все объективные возможности и ресурсы для того, чтобы возглавить этот список.

Антропологическая катастрофа в России выразилась прежде всего в: а) трагической демографической динамике, сопровождавшейся гибелью и истреблением огромных масс людей (в основном наиболее пассионарных); б) многократной в течение века смене и потере идеалов, стратегий, ориентиров, ценностных систем, дезориентировавших страну и людей; в) плохо приспособленных для человека повседневности и быте, в снижении уровня общей и профессиональной культуры; г) расширении ареала низких моральных качеств (обмана, жадности, зависти, тотального неуважения к человеку и его жизни, жестокости, заносчивости, тщеславия, пошлости, самодовольства, недоверия, подозрительности, спеси, чванства и т. д.).

Причин антропологической катастрофы немало, в статье все их не обсудить, но одна из основных – традиционно крайне низкие качество, эффективность и культура управления страной, свойственные российской власти всех уровней и политической элите. Это проявилось в неадекватных ответах на вызовы времени, обусловивших возложение непосильного бремени на население, в управленческом императиве «не умением, а числом и насилием». Власть и политико-управленческий класс России оказались неспособными удержать страну от трех революций, втягивания в две мировые войны или хотя бы достойно подготовиться к ним, противостоять деструктивным тенденциям в обществе, предотвратить национальную трагедию – гражданскую войну. Они системно-хронически не умели решать проблемы превентивно, стратегически оптимально и не силовым путем, что повлекло за собой репрессии против народа, уничтожение лучших, роковое «продавливание» сомнительных социальных проектов. Итог не заставил себя долго ждать – сначала сошла с исторической траектории Российская империя, затем распался Советский Союз.

В XX веке трагические события российско-советской истории – Первая, Вторая мировые и Гражданская войны, репрессии, голод, эмиграция, многочисленные вооруженные конфликты, рост алкоголизма, преступности, смертности и т. д. – нанесли стране демографический урон, исчисляемый десятками миллионов людей. Согласно исследованию коллектива ученых под руководством российского демографа А.Г. Вишневского, «если бы России удалось избежать демографических катастроф первой половины XX века, то, при прочих равных условиях, к концу столетия ее население могло стать почти на 113 млн человек больше, чем оно было в действительности. А если к тому же еще удалось бы добиться характерного для других стран снижения смертности в последней трети минувшего века, то это превышение составило бы почти 137 млн человек» [1].

Иначе говоря, в XX веке Россия не досчиталась 137 млн человек.

В свою очередь у них не родились по меньшей мере несколько десятков миллионов детей. В результате сегодня страна насчитывает всего лишь 140 млн человек. Это пока 9-е место в мире, однако для решения стоящих перед Россией задач этого совершенно недостаточно.

«Многомиллионные потери населения... тесно переплетались с деятельностью... государственной машины. Природная стихия, ранее представлявшая главный источник демографических бедствий, в XX столетии нашла себе достойную замену, с той лишь разницей, что государство оказалось более жестоким и число жертв неизмеримо возросло», – считает другой отечественный демограф В.А. Исупов [2].

Антропологический кризис отрицательно сказался на качестве и идентичности человека управляющего. В XX веке по причине истребления лучших в сферу управления нередко приходили не-лучшие, часто не имевшие к ней ни малейших способностей, не говоря уже о призвании. Они не содействовали росту управленческой культуры, скорее наоборот. В управлении укрепились самые негативные черты бюрократии – подсиживание, бумаготворчество в ущерб делу, зависть, карьеризм в худшем смысле, круговая порука, тотальная ложь, государственный обман (лукавая статистика), чинопочитание, интриганство и т. д.

Феномены антропологической катастрофы и традиционно низкого управленческого уровня российской властной элиты структурно сложны и не могут быть описаны в рамках какой-либо одной теоретико-методологической парадигмы, тем более с помощью единственной модели или формулы. Власть и политико-управленческий класс России были разными и имели дело с разным человеческим ресурсом в XIX веке и до 1917 года, а также после Гражданской войны. Однако общим было то, что и императоры, и генеральные секретари с их окружением с управленческой точки зрения были неэффективны. Неэффективное управление – архетип, матрица, идентификационный код российских властей. Иначе бы итогом их деятельности не стали распад великих держав (Российской империи и СССР) и убывание населения.

Автор не видит противоречия в том, что, с одной стороны, есть неэффективное управление страной, а с другой – страна все-таки великая, даже сегодня. Если управление неэффективно, как она стала великой?

Ответим: страна становилась великой не благодаря такому управлению, а вопреки ему. Иван Грозный лишь принял Сибирь от Ермака и его казаков, сам же помышлял вовсе не об этом. В Великой Отечественной войне только немыслимые жертвы со стороны народа побудили власть повысить уровень управления и обеспечили победу. Политико-управленческий класс сначала репрессировал военачальников и ученых, а потом

под гнетом обстоятельств вынужден был вытаскивать из небытия еще оставшихся в живых и вручать им мандат на организацию армии, создание ядерного щита и выход в космос. Экономика, промышленность и бизнес в Российской империи, СССР и России, за редким исключением на вершинах власти таких деятелей, как С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, А.Н. Косыгин, отчасти Петр I, – сплошное преодоление препятствий, чинимых властью, двором и чиновниками (вспомним бессмертного гоголевского «Ревизора»...).

В XIX-XX веках неэффективная политика и управленческая практика российской властной элиты совпали, по несчастью, с усилением альтернативного западного цивилизационного проекта, с объективными процессами распада европейской и российской духовности, радикальной девальвации ценностей, демократизации и массовизации общества. Все это было чревато тоталитаризмом, насилием, нивелировкой личности, осуществляемыми под лозунгами свободы и всеобщего равенства. Однако результаты эволюции Запада и России оказались противоположными. Хотя Запад и не избежал грандиозных катаклизмов, именно он остается авангардом мировой динамики. В России же синергетический, кумулятивно-мультипликативный эффект от такого совпадения выглядит именно как катастрофа в антропологическом, цивилизационном, геополитическом отношениях. Причиной такого эффекта стали власть и политико-управленческая элита, неуклюжими действиями сделавшие все потенциальные риски реальностью.

На Западе об идейно-духовном кризисе общества одним из первых заговорил Ф. Ницше, возвестив в работе «По ту сторону добра и зла» (1886) о предстоящем воцарении «грядущего хама». Тему продолжили О. Шпенглер («Закат Европы», 1918-1922), Х. Ортега-и-Гассет («Восстание масс», 1930), М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, Г. Маркузе и т. д.

В России (если предельно кратко) эти процессы отразились сначала в художественной форме в феномене «маленького человека» у А.С. Пушкина в «Станционном смотрителе» (1831), Н.В. Гоголя в «Шинели» (1842). М.Ю. Лермонтов четко и недвусмысленно предупредил в стихотворении «Предсказание» (1830): «Настанет год, России черный год, / когда царей корона упадет; / забудет чернь к ним прежнюю любовь, / и пища многих будет смерть и кровь...»*. Затем Ф.М. Достоевский в романах «Бесы» (1871-1872) и «Братья Карамазовы» (1879-1880) ясно обозначил смысложизненную позицию и императив грядущих «бесов»: «Если Бога нет, то все дозволено».

Н.А. Бердяев в ряде работ – «Мутные лики» (до 1922), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937) и других – говорит об «изумительно профетическом (пророческом. – *О. М.*) характере русской литературы. В течение всего XIX века она полна предчувствий грядущей революции, она необыкновенно чутка к подземным гулам» [3]. Такой же профетический характер он усматривал и в русской поэзии начала XX века [4, 5].

Персонажи повести М. Булгакова «Собачье сердце» (1925) Шариков и Швондер ознаменовали собой приход того ярко выраженного социально-антропологического типа, сознание, облик и действия которого характеризуются емким термином «бесовщина» и одновременно понятием «массового человека» Х. Ортеги-и-Гассета (хотя в целом это не одно и то же) и который заполнил собой практически всю управленческую сферу страны. Н.В. Гоголь, мучившийся тем, что Россия «одержима духами зла и лжи», что она полна «рож и харь» и нелегко в ней найти человека, без труда заметил бы и в советской России немалое количество Хлестаковых, Ноздрёвых, Чичиковых, Городничих, Тяпкиных-Ляпкиных, Маниловых и т. д. Несомненно, множество таких персонажей он обнаружил бы и в постсоветской России, в том числе во власти и управлении.

Русская философская и социальная мысль в начале XX века видела угрозу смены одной несостоятельной властной элиты другой, не менее несостоятельной. Так, после революции 1905-1907 гг. лучшие умы России (философы, юристы) в сборнике «Вехи» (1909) пришли к выводу, что интеллектуальная элита, претендовавшая тогда на власть и переустройство страны, не готова к этой роли. Она не навела порядок ни в собственной голове, ни в собственном сердце, ни в своей частной жизни. То есть не обрела адекватной идентичности. В ее действиях доминировали разрушительные начала и отсутствовали творческие. Ради своих схем она готова была пожертвовать не только собой, но и другими людьми, не желавшими быть такими жертвами. Уже в известной политико-управленческой формуле «Лес рубят – щепки летят» заключалась недостаточность этой элиты. В этой готовности и корни другого будущего императива: «Нет человека – нет проблемы».

Не будучи по-настоящему культурной, не зная глубоко философии, отрицая религию, не понимая законов социальной, экономической и политической жизни, не стремясь к истине и «принижая разум» (В. Соловьев), элита внутренне была глубоко разрозненной и разделилась на кружки, группы, партии, движения. Внутренняя и внешняя культура и мораль, внутренняя сдержанность элиты были недостаточными, а максимализм, фанатизм и нетерпимость – избыточными. Поэтому разные элиты смертельно враждовали между собой и готовы были уничтожить друг друга ради идей, которые они вынашивали. Впоследствии это стало одной из причин Гражданской войны и войны с собственным народом.

Вслед за Ф.М. Достоевским, предвидевшим раз-

---

* Феномен «лишнего человека» (поэма А.С. Пушкина «Евгений Онегин», повесть М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени») также вполне вписывается в художественное осмысление этих процессов.

гул «бесовщины», авторы «Вех» поняли грозную опасность, исходившую от такой элиты. Хотя еще далеко было и до Гражданской войны, и до репрессий, и до диктатуры идеологии одной из ее же узких групп (большевиков). К сожалению, они оказались правы.

В годы первой русской революции 1905-1907 гг. проявилась неспособность политической и интеллектуальной элиты к государственному управлению и творчеству. Как констатировал «веховец» А.С. Изгоев: «В наших государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырех десятков кадетов и октябристов, не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России» [6].

Естественно, возникает вопрос: если элита не умеет, не способна управлять, почему она берется за дело, к которому не подготовлена? Многие стремятся делать карьеру, занимать любые должности, властвовать и управлять, несмотря на отсутствие профессионализма и вменяемых представлений об ответственности (нетрудно представить последствия прихода к власти и управлению, например, В. Новодворской и ее немногочисленных почитателей).

Опросы студентов показывают, что 18 из 20 человек «готовы» уже сегодня стать президентом, премьером страны или на худой конец министром. Пример посерьезнее: когда было объявлено о формировании списка президентского кадрового резерва, появилось множество желающих купить место в нем и попасть в президентскую «сотню», полутысячу», «тысячу». Никаких сомнений в своих знаниях, умениях и профессионализме у этих людей не возникло.

Качество управления страной той властной элитой, которая сменила прежнюю, имперскую, прогрессировало очень слабо. Иначе самая богатая страна в мире не утрачивала бы территории, не теряла бы население, а смертность не превышала бы рождаемость. И не жили бы победители в жестокой войне 1941-1945 гг. хуже побежденных. Иначе мы наконец построили бы хорошие дороги по цене за один километр много меньше, чем один километр коллайдера в Швейцарии, и дали бы возможность всем жить в нормальных домах и квартирах. Времени для этого было более чем достаточно. Например, за эти же годы гораздо более бедные Норвегия, Ирландия и Исландия оказались в верхней части списка стран, которые считаются комфортными для проживания, развития бизнеса, демократии, соблюдения прав человека и т. д.

В 1909 г. «веховцы» констатировали полное отсутствие чувства ответственности у интеллектуальной элиты, которая причины всех неудач усматривала во внешних обстоятельствах. В те годы это было самодержавие и жандармы, затем – вражеское окружение, вредители, «родимые пятна капитализма», неурожаи, непогода, внезапное наступление зимы, отдельные недостатки, нехватка денег, избыток денег, плохой народ (у нынешних либералов) и т. д.

Авторы «Вех» предлагали взглянуть критически на себя, обратиться к внутреннему, духовному миру и навести в нем порядок. Иначе говоря, обрести идентичность. «Необходим медленный и трудный путь перевоспитания личности, на котором нет скачков, нет катаклизмов и побеждает лишь упорная самодисциплина» (С. Булгаков). Нужно освободиться от внутреннего рабства, т. е. возложить на себя ответственность и перестать во всем винить внешние силы (Н. Бердяев). Духовная энергия русской интеллигенции (которая претендовала на власть) должна на время уйти вовнутрь, в личность, поскольку только обновленная личность может преобразовать нашу общественную действительность, и она это непременно сделает, и сделает легко, без тех мучительных усилий и жертв, которые так мало помогли обществу в прошлом (М. Гершензон) [5].

Это решение носит онтологический и экзистенциальный характер для России. Речь идет о качестве народа и его элиты. Можно принять сколь угодно совершенные конституции, законы, создать демократические институты и механизмы, общественные палаты и наблюдательные советы – но все они приводятся в движение людьми. И если качество людей низко, если они плохие профессионалы с низким уровнем духовности и морали – тогда мы получим современную российскую бюрократию с ее коррупционной сущностью и бизнес с рефлексом «неслыханной жадности». И сегодня мы их получили.

Категории «жадность» и «обман» стали уже онтологическими и смысложизненными для российского политического класса, чиновничества и бизнеса. Как заметил М.Е. Салтыков-Щедрин, «во всех странах железные дороги для передвижения служат, а у нас сверх того и для воровства» (если бы только дороги!). Одним из императивов для российских чиновников является тезис «Нельзя говорить так, чтобы одновременно получалось красиво, умно и честно». А властная элита или не знает, или не может ничего со всем этим сделать. Поэтому почти все институты и механизмы, конституции и законы оказываются мертвым грузом.

Такая ситуация не во всем, но во многом опровергает аргумент оппонентов «Вех», будто сначала надо выстроить светлый дом, а затем уже можно внутренне совершенствоваться, обратившись к Истине, Добру, Красоте (П.Н. Милюков). Дом построен, Конституция у нас одна из лучших в мире, есть демократические идеалы и институты. Только откуда коррупция и алчность, непрофессионализм и безответственность, жестокость и несправедливость? И почему уровень доверия населения к этим институтам крайне низок?

Оппоненты «Вех» отреагировали тогда резко отрицательно. Ответили в своем ключе – нетерпимо, саркастично, ерничая. Психологически это объяснимо, поскольку в том отрицательном портрете, который нари-

совали «веховцы», они узнали себя – кому понравится, когда развенчивают смысл всей твоей жизни и всей ее траектории? Стиль их ответов ничем не отличался от того, каким они привыкли выяснять отношения друг с другом. Это заметно и сегодня.

К сожалению, предложение авторов «Вех» не прошло. И до сих пор не проходит. Однако именно оно теоретически наиболее адекватно, хотя практически трудно реализуемо. Оно сродни тому, что прикладная наука немыслима без фундаментальной, а цивилизация трудами и болью прорастает из культуры. Личность с внутренним духовным стержнем не сломают внешние обстоятельства, она придаст смысл любому занятию. Человек же без такого стержня обессмыслит любое занятие и любой социальный механизм. Такова антропология управления.

В аргументах оппонентов «Вех» оказалось много демагогии и разговоров не по существу. Политика подменила философию. Пожалуй, ответы и самих авторов «Вех» слабее собственных вопросов, однако суждения их оппонентов часто вообще не о том. Они заметили нелицеприятные для себя характеристики и попытались опровергнуть их, но не ответили на главный вопрос «Вех» – какие у них интеллектуальные, профессиональные и нравственные основания для качественного управления страной. Время показало, что им нечего было ответить на этот вопрос.

Сегодня управление и управленческая идентичность в России оптимизма не внушают.

Когда-то П.Я. Чаадаев заметил, что в России не умеют извлекать уроки из прошлого. Давно пора исправить эту ущербную привычку. Однако это предполагает долгую, кропотливую, тяжелую внутреннюю работу, что и предлагали авторы «Вех». К чему привычка не выработана. Но, видимо, выработки ее не избежать.

Литература

1. Демографическая модернизация России, 1900-2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. URL: http://www.polit.ru/research/2006/01/16/demography.html
2. *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Ист.-демографические очерки. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. С.234.
3. *Бердяев Н.А.* Мутные лики / Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т.2. М.: Искусство, 1994.
4. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
5. Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909-1910. М.: Молодая гвардия, 1991.
6. *Изгоев А.С.* Об интеллигентной молодежи // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909-1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С.207.

НОВАЯ КНИГА

В.И. Антонов. **Имена в мировой политике: мозаика портретов и образов.** Вторая половина XX и начало XXI столетий.

Улан-Удэ: Изд. Бурятского научного центра СО РАН. 2008. Часть I. 188 с.

Улан-Удэ: Изд. Бурятского научного центра СО РАН. 2010. Часть II. 250 с.

Вышедшая в свет в двух частях книга доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.И. Антонова представляет несомненный познавательный и практический интерес для специалистов в области политологии. Она посвящена известным деятелям, оставившим заметный след не только в национальной, но и общемировой политике второй половины XX столетия (а некоторые из них продолжают свои успешные деяния в этом направлении и поныне). В обеих ее частях речь идет о политических лидерах, партийных руководителях, главах государств и правительств, дипломатах, вице-президентах и первых вице-премьерах, общественных и религиозных деятелях из самых разных стран и континентов (Россия, Европа, Азия, Америка). Такая географическая широта охвата, пронизывая мая множеством пространственно-временных нитей, придает книге в немалой степени панорамный характер.

Каждая часть состоит из 13 политических портретов. «Чем это обу словлено, трудно сказать... Может, тут сыграла свою роль магическая сила числа 13. Ведь в буддийской культуре это число